

Концерт Гилельса

Великую правду жизни, выраженную языком музыки, Гилельсу открывает неустанная напряженная работа его ищущего ума и большого, чуткого сердца. Даже в произведениях, кажущихся на слух просто ритмическими или гармоническими экспериментами, артист умеет найти живую, трепетную мысль, которая доставляет слушателям художественное наслаждение.

Почти 160 лет назад впервые прозвучал один из потрясающих образов бетховенского гения — соната № 8, «Большая патетическая соната», как назвал ее сам великий автор. Когда ее играет Гилельс — слушатель весь во власти скорбного вступления, светлой, лирической напевности адажио и мужественного победного финала. Могучий порыв автора и магическая сила исполнителя настолько велики, что слушатели бурно рукоплещут после каждой части.

Пожалуй, ни одно из произведений Бетховена не может так неутешительно «высекать огонь из груди людей», как соната № 23 («Аппассионата»). В. И. Ленин был готов слушать каждый день ее «изумительную, нечеловеческую музыку».

Стоит вспомнить, что Бетховен работал над сонатой много лет. Осенью 1804 года композитор с гневом узнал о коронации Наполеона и решительно изменил свое отношение к нему, перестал считать его героем. Только революционный народ может быть истинным выразителем героических деяний — эта идея стала канвой для многочисленных исправлений и окончательной отделки сонаты. Эту мысль великолепно подчеркнул и концертант. Трогает волнующе прекрасное драматическое напряжение первой части, спокойное раздумье анданте, так удивительно показывающее, насколько прекрасен мир и хороша жизнь, победившая зло и насилие. Героический марш фи-

нала звучал подобно сокрушительному рокоту волн, сметающих препятствия. Такой трактовки и такого исполнения «Аппассионаты» слышать не приходилось, вероятно, подавляющему большинству присутствующих.

Клод Дебюсси... Гилельс сумел дать такое толкование творениям этого талантливой французского композитора, что буквально ожили «образы» очень интересного и своеобразного фортепианного цикла. Слушателей покорила пленительная задумчивость «Отражения в воде», порывистое «Посвящение Рамо» и, в особенности, красивейшее по ритмическому рисунку «Движение».

Не случайно за этой пьесой после до в а л а третья соната С. Прокофьева, написанная им в шестнадцатилетнем возрасте и блестяще отделанная спустя десять лет. Динамика

этой вещи настолько стремительна, что, по остроумному замечанию одного из критиков, напоминает вращение волчка, и техническое ее исполнение под силу лишь виртуозам. Эмиль Гилельс привлекло в сонате не только богатство и разнообразие ритмов: за ними он сумел разглядеть замысел автора — показать неукротимую силу вырвавшихся на волю юношеских стремлений. Потому так жизнерадостны пассажи финала. До Гилельса мы считали цикл крохотных зарисовок С. Прокофьева «Мимолетности» причудливой музыкальной шалостью. Пианист доказал нам, что это не так. Зарисовки построены на контрастах: танцевальная картинка чередуется с грустной песенкой, драматическая тема с лирической и т. п. Но с помощью этих контрастов Гилельс превратил зарисовки в маленькую очаровательную сюиту смены настроений беспокойной натуры.

И вдруг в зал, как ураган, ворвались бешеные ритмы «Токкаты» — этого юношеского сочинения С. Прокофьева, смелого и трудного, с его фантастической остротой тембровых сочетаний — то раскатами бури, то ликованием, взлетами, падениями, — неумной стихией движения. И опять в этом безудержном потоке звуков слушатель ощущает несокрушимую энергию молодости.

Не успели замолкнуть аплодисменты, как в зал понеслись чарующие звуки «Нокturna» Чайковского. Это был внепрограммный подарок слушателям.

Головокружительный по темпу венгерский танец Брамса завершил прекрасный музыкальный вечер.

Концерт Эмиля Гилельса, состоявшийся в Иванове, был большим событием в музыкальной жизни города.

Л. РЕЙСНЕР.

На снимке: Эмиль Гилельс.
Фото А. ДВОРЖЕЦА.